

R E C E N Z J E

BOŻENA ŻEJMO

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

E.A. Яблоков (red.), *Михаил Булгаков и славянская культура*,
Совпадение, Москва 2017, 384 s.

17–19 мая 2016 года в Институте славяноведения РАН состоялась научная конференция *Михаил Булгаков и славянская культура*. В ней приняли участие филологи и культурологи из 13 стран: Боснии и Герцеговины, Венгрии, Германии, Польши, Китая, России, Сербии, Словакии, Словении, Украины, Хорватии, Черногории, Эстонии. Доклады представлены на конференции включены в рецензируемый сборник. Как заявляет редколлегия во вступительном слове: «Научное булгаковедение переживает не лучшие времена, и конференция была призвана, в частности, стимулировать интерес к изучению эпического и драматургического творчества писателя, наметить новые аспекты исследования. Основная проблема, которая определяет содержание всех статей сборника, — многоаспектные связи булгаковского творчества со славянским и, шире, центрально- и восточноевропейским ареалом» (с. 6–7).

В соответствии с позиционированными проблемами статьи собраны в четыре раздела: *Булгаковский текст — проблемы перевода, интерпретации и комментирования*, *Аспекты поэтики М.А. Булгакова*, *Вопросы рецепции булгаковского наследия*, *Культурно-исторический контекст жизни и творчества М.А. Булгакова*.

Произведения Михаила Булгакова, прежде всего роман *Мастер и Маргарита*, существуют в славянском культурном пространстве не только как литературные шедевры, но и как основа для экранизаций, театральных постановок, радиопередач, музыкальных сочинений, а крылатые фразы из *Мастера и Маргариты* утвердились в разговорной и письменной речи. Благодаря первым переводам, в основном драматических произведений, писатель завоевывал популярность у читателей центральной и юго-восточной Европы уже с конца 1920-х годов. Рецепция выдающегося романа начинается во второй половине 1960-х гг. (на словенском первый перевод вышел в 1971 г.). Первые славянские переводы *Мастера и Маргариты* содержат ряд переводческих неточностей и ошибок. Гжегож Пшебинда, автор третьего польского (семейного, вместе с женой и сыном) перевода (2017) обращает вни-

мание на факт, что в первых польских изданиях романа отсутствует эпитафия из *Фауста*, а появление эпитафии в третьем издании (1973) не было сопровождено каким-либо комментарием. Много трудностей доставили Пшебинде (как и другим славянским переводчикам) булгаковские фразы, для которых в польском языке не существуют устойчивые словосочетания (пожалуй самая известная «шляпа пирожком» — «elegantcki kapelusze»). Во многих первых славянских переводах присутствуют ошибки, обусловленные недостаточным знакомством с реалиями России 1920–1930-х гг. Несколько примеров. Никто из польских переводчиков, как замечает Пшебинда, не понял, что слово «повязка» означает головной платок, который носили комсомолки, поэтому польский эквивалент «opaska» не соответствует оригиналу. Серьезные проблемы вызвал подбор адекватного перевода слова «зубрик», в котором польские переводчики увидели изысканное блюдо (*sarnina*), а английские и французские — алкогольный напиток зубровку. У Пшебинды «zubrik» — блюдо обыденное, повседневное, это смесь разных мясных обрезков. В обоих польских переводах непреодолимым препятствием стало слово «корыто», которое в польском языке «koryto» обозначает лишь сосуд для кормления животных. Тем временем в русском языке функционирует еще другое значение — это сосуд для стирки белья. Поэтому в переводе Пшебинды на стене ванной комнаты в московской коммунальной квартире не висит «koryto», а «balia» («водяное корыто»).

При работе над переводом *Мастера и Маргариты* Пшебинда уделил много внимания музыкальности романа, воспринимая его как литературную симфонию: «Мы стремились воссоздать инструментами современного польского языка чувственные ощущения Булгакова — все видимое, слышимое, обоняемое, пробуемое на вкус» (с. 26). Полноценное восприятие всей «архетипической», ассоциативной, подтекстовой и даже эмоциональной нюансировки мысли Булгакова становится возможным благодаря очень богатому справочному аппарату третьего польского перевода (почти 100 страниц комментариев). Такой ситуации может позавидовать польскому читателю, например, словенский поклонник *Мастера и Маргариты*. Словенский перевод (1969) — единственная версия романа, считавшаяся канонической, не содержит ни сносок с разъяснениями, ни комментариев. Вытекающие отсюда ошибки, текстуральные искажения, смещения смысловых акцентов особенно ярко заметны при передаче реалий московской жизни. Подтексты и особенности таких, например, понятий как «коммуналка», «черные сени», «торгсин», «орган» остаются непонятными. Мало осведомленный об деталях внелитературного контекста — в том числе и биографии Булгакова — современный словенский читатель вряд ли уловит пародийный характер, использованной писателем в романе, лексики советской критики: «ударить по булгаковщине», «посредственный бо-

гомаз». В этих выражениях четко прослеживается демагогическая манера авторов разгромных статей, адресованных Булгакову.

Неполное понимание специфических советских реалий наблюдается также в двух классических сербско-хорватских переводах (1969, 1986). Из сравнительного анализа обеих переводческих стратегий, проведенного Евгенией Шатько вытекает, что «стратегия, выбранная хорватской переводчицей, которая прибегает к приемам транслитерации, транслитерации с уточнением или дополнением (внутри текста или в сноске) и полукальки при передаче советских и русских реалий, вместе с тем избегая перегруженности текста, позволяет более точно передать реалии булгаковской Москвы. Сербский переводчик предлагает несколько другой подход: используя, в сущности, те же приемы (транслитерацию и полукальку) он чаще обращается к приему освоения реалии, что позволяет сделать текст перевода более легким для понимания читателя» (с. 62).

Устойчивый интерес к русской классике сохраняется в Болгарии. Большой резонанс в болгарской читательской аудитории вызвала публикация второго перевода *Мастера и Маргариты* (2012, первый — 1968). Отмечая допущенные переводчиком ошибки, Наталья Лунькова отрицательно оценивает наличие в комментариях большого количества буквальных заимствований из интернет-источников, тем более без каких бы то ни было отсылок. Странным представляется исследовательнице и то, что ни переводчик, ни редакторы, ни даже консультанты не обратились к имеющимся в русскоязычных изданиях подробным комментариям к *Мастеру и Маргарите*. Отсюда недочеты в пласте бытовых реалий («шашлык по-карски» превратился в «кебаб», «абрикосовая вода с сиропом» — в «абрикосовый сок») и ономастических (имена собственные и топонимы). Неясно, чем руководство вались редакторы и переводчик, когда отводили персонажам столь разный объем комментариев. Сомнение вызывает также отсутствие в корпусе комментариев персонажей обычно попадающих в поле зрения комментаторов (Берлиоз, Варенуха, Аннушка, Фрида). Толкование некоторых топонимов, как замечает Наталья Лунькова, не соответствует критерию точности: переводчик должен формировать комментарий в соответствии с авторским замыслом, а не только со своим собственным. Например, в объяснении топонима «Соловки» представляется излишним упоминание о том, что Солженицын написал роман, посвященный Соловецкому лагерю особого назначения. Эта информация не имеет отношения к толкованию булгаковского текста и в этом отношении смысловой нагрузки не несет. В связи с этим неясным для Луньковой остается вопрос о читательской аудитории, на которую рассчитан комментарий: «Если речь идет о массовом читателе, то для чего ему вдаваться в тонкие нюансы вроде прототипов Семплеярова и Могарыча? Было бы достаточно наличия краткой вступительной статьи и не-

больших внутритекстовых примечаний. Если же целью было создание комментария призванного помочь болгарскому читателю вникнуть в суть многочисленных аллюзий и реминисценций, которыми изобилует булгаковский текст, то такую попытку можно считать неудачной, ибо неясным остался критерий отбора подлежащих комментированию реалий» (с. 71).

Несмотря на некоторые недостатки славянских переводов *Мастера и Маргариты* приходится говорить о счастливой судьбе булгаковского шедевра в славянском культурном пространстве, если иметь в виду число переводов, их книжных изданий и переизданий, громадное количество читателей. С опорой на Булгакова или в полемике с ним были созданы, например, многие фантастические тексты, в том числе и те, что относятся к славянской фэнтези. Подлинной булгаковской традицией в фантастике постсоциалистических стран Елена Ковтун считает философичность и глубину проблематики лучших образцов российской и инославянской фантастической литературы 1990–2010-х гг. (Виктор Пелевин, Марина и Сергей Дяченко, Евгений Лукин, Святослав Логинов, Иржи Кратохвил, Ольга Токарчук).

Обращение к роману Булгакова вызывает сегодня также потребность пересмотра и дополнения вопросов, касающихся поэтики произведения. Весьма интересны выводы Ирины Белобровцевой на тему особенностей пространственной оппозиции верх–низ в *Мастере и Маргарите*: «В романе создается индивидуальная булгаковская космогония, густо замешанная на соотношении верха и низа, впервые в русской литературе описывается переход персонажей за грань смерти, и вновь» (с. 94). Отмена данной оппозиции снимает антитезу противоборствующих сторон. Этот индивидуальный образ пространства в романе может быть, согласно Белобровцевой, обусловлен «психоментальными особенностями писателя». Из дневниковых записей Елены Булгаковой следует, что ее муж страдал многими фобиями, связанными с пространством (ахлуофобия, агирофобия, аутофобия). Пространственный фактор решает терапевтическую задачу: Булгаков воспринимает финал книги как «идеограмму собственной смерти» (с. 95). Тем временем Ольга Казьмина предлагает, что такую же «лечебную» роль играют в творчестве Булгакова образы бездетных женщин. Писатель упорно, из произведения в произведение, лишал героинь их главного женского предназначения. Бездетность — отражение биографии самого писателя: будучи женат трижды, он не имел детей ни от одной из жен. Мотив бездетности связан и с размыванием оппозиции мужское–женское. Казьмина пишет: «Недаром в булгаковских произведениях присутствует тип героев, наделенных (в травестирированном виде) как женскими, так и мужскими чертами. Размытость гендерной оппозиции — один из признаков зыбкости и неустойчивости мира и неопределенного положения людей в нем» (с. 123–124).

В булгаковском художественном мире постоянно активизируются разнообразные оппозиции, реализованные путем акцентирования идейных и нравственных коллизий. В статье Евгения Яблокова рассмотрена андроидно-куклоидная топика выражающая противопоставление человек–вещь (кукла). Соответствующие мотивы в целом сводятся к тому, что кукла стремится так или иначе подменить человека, лишить его души, ментально внедрившись в состав личности. В подавляющем большинстве булгаковских произведений доминирование «кукольного» (то есть снижение степени человечности) выглядит морально негативным признаком. Однако, заявляет Яблоков, «безотносительно к аксиологическим аспектам, куклоидность персонажей Булгакова является важным показателем онтологической амбивалентности художественного мира, пребывающего в вечно катастрофическом, переломном состоянии» (с. 364).

Внимание польского читателя несомненно привлечет статья Наталии Филатовой, посвящена польским контактам второй жены Булгакова Любови Белозерской-Булгаковой. В центре внимания автора статьи переписка Белозерской с крупнейшим польским булгаковедом Анджеем Дравичем (письма хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде Булгакова). Общение с польским ученым в 1970-е гг. стало для Любови Евгеньевны единственной возможностью узнать о судьбе своих родственников, оказавшихся за границей. Помимо этого семейного сюжета письма Дравича к Белозерской ценны прежде всего тем, что связаны с его научной работой, они «дают представление о булгаковедении того времени не только в Польше, но и во всем мире. Ведь Дравич благодаря своим контактам находился в эпицентре филологической науки» (с. 296).

Среди многих статей рассматриваемого сборника следует выделить еще один занимательный текст. Андрей Дьяченко предложил анализ издания романа *Мастер и Маргарита* в «подарочном» варианте с иллюстрациями Павла Оринянского, «по праву считаемого одним из лучших изданий художественной литературы двух последних десятилетий» (с. 304). Книга стала заметным явлением в русской культуре благодаря как изысканности и стилистическому мастерству издания (книга отпечатана на уникальной бумаге элитного класса), так и модернистской стилистике (контур переменной толщины, локальный цвет, витиеватая линия). Важны также композиционные принципы: фантазмагоричность происходящего достигается «перцептивным путем» — глаз смотрящего «путешествует от одного персонажа к другому, создавая свою собственную последовательность эпизодов, индивидуальную хронологию постижения образов» (с. 307). Согласно мнению Дьяченко иллюстратор прибегает к смелым творческим заимствованиям из арсенала мастеров европейского модерна таких, как Альфонс Муха (эстетика грациозных поз, обилие растительных

орнаментов), Обри Бердслей (певучая линия, тончайшая игра черного и белого, романтическая приподнятость героев) или Генрих Фогелер (сложная пространственная структура). Однако не все иллюстрации цикла отличаются стилизацией, есть и такие, в которых видно бытописательное начало. Таким образом, констатирует Дьяченко, художник свободно манипулирует стилистическими средствами, что вполне соответственно полифоничности мышления самого Булгакова.

Ярким свидетельством большой популярности цикла Орианского является факт, что по его мотивам готовится серия гобеленов, предназначенных для музея «Булгаковский Дом» в Москве. В заключение статьи Дьяченко выражает надежду на то, что эти гобелены «станут неотъемлемой частью музея и что оригинальная эстетика Орианского будет способствовать формированию новейших визуальных представлений как о многих героях Булгакова, так и об атмосфере романа в целом» (с. 312).

Рецензируемый сборник *Михаил Булгаков и славянская культура* несомненно осуществляет поставленную организаторами конференции цель: «стимулировать интерес к изучению эпического и драматургического творчества Михаила Булгакова, наметить новые аспекты исследования». Книга привлечет внимание не только специалистов-филологов, но также многих читателей интересующихся творчеством автора *Мастера и Маргариты*.